

Жэнь Пиншэн крутился в музыкальной индустрии столько лет, что его вокал, даже если и не достиг абсолютного совершенства, давно стал безупречным. Оценивать выступления здешних дебютантов для него было делом скучным — всё равно что геймеру максимального уровня проходить квесты в стартовой локации. Для простых зрителей финалисты, пробившиеся в восьмёрку, имели свои достоинства и недостатки, но Жэнь Пиншэн видел лишь разницу между двойкой и тройкой по десятибалльной шкале.

Отыграв своё выступление и собрав дежурную лавину аплодисментов и визга, он с самым отрешённым видом опустил в кресло жюри. Красть славу у молодых Жэнь Пиншэн сегодня не планировал и собирался просто отбыть номер для галочки, но сидевшая рядом Ма Фэнфэн раздражала неимоверно. Стоило очередному конкурсанту закончить песню, как она, изнывая от желания привлечь к себе внимание, придвигалась к нему и принималась оживлённо делиться впечатлениями.

Общаться с ней не хотелось, но объективы телекамер следили за каждым их жестом, так что приходилось брать себя в руки и вяло кивать. Он даже не запомнил, парень или девушка только что топтались на сцене и что вообще за чушь они пели, но когда Ма Фэнфэн с восторженным лицом спросила его мнения, Жэнь Пиншэн выдавил дежурное:

— Да-да, весьма недурно.

— Ну что вы, вы слишком добры! Это Юй Дада из моей группы, из тех работяг, что берут упорством, — лицо Ма Фэнфэн расплылось в приторной улыбке, собравшей у глаз глубокие складки. — Слишком уж он простодушный. То ли дело другой мой ученик, Цзян Се, — вот он и сообразителен, и талантом бог не обидел.

Камера по-прежнему держала его крупным планом, поэтому Жэнь Пиншэну оставалось лишь согласно кивнуть и из вежливости поинтересоваться:

— Цзян Се выступает следующим?

— Ну что вы, его оставили на десерт, под самый занавес! Следующим пойдёт Юань Шан, подопечный Цзян Цзина. — При упоминании Юань Шана лицо Ма Фэнфэн на миг перекосило. Не желая показывать неприязнь перед камерами, она незаметно отключила микрофон и зашептала: — Если сейчас случится конфуз, вы только не сердитесь. Послушайте просто ради приличия. А после съёмок я вам всё объясню.

Жэнь Пиншэн приподнял бровь. Столь интригующая сплетня неожиданно разогнала его сонливость. Слухи о грязи и закулисных играх на подобных телешоу ходили давно, и хотя сам он держался от этой кухни подальше, кое-что до его ушей всё же долетало. Интересно, что за покровители стоят за этим Юань Шаном, раз под него прогибается даже проект, спонсируемый телеканалом «Четыре Моря»?

Тем временем свет в зале погас. На трибунах уже раздавались девичьи крики, выкрикивавшие имя Юань Шана, а журналисты в пресс-зоне зашевелились, словно почуявшие добычу гончие.

В полумраке Жэнь Пиншэн заметил, как его коллеги по судейским креслам нервно переглядываются. Ситуация становилась всё забавнее. Очевидно, Юань Шан — фигура заметная, но почему при наличии популярности и связей жюри относится к нему с такой явной опаской?

Стоило виновнику пересудов ступить на сцену, как Жэнь Пиншэн всё понял. Перед ним разворачивалась классическая драма: противостояние профессионалов и очередного безголосого манекена. Китайская эстрада катилась в пропасть, и он, как представитель старой гвардии, терпеть не мог нынешнюю моду на смазливые лица, когда любой мало-мальски симпатичный юнец, умеющий открывать рот, штамповал синглы и собирал стадионы. Поэтому, хоть внешность Юань Шана и заставляла признать его редкую красоту, внутренне Жэнь Пиншэн оставался абсолютно равнодушен.

Юань Шан шёл не спеша, небрежно перекинув через плечо ремень гитары. Оказавшись в центре сцены, он поднял глаза на судейский стол. Жэнь Пиншэн лениво полулежал в кресле; несмотря на то что ему перевалило за тридцать пять и сидел он без всякого изящества, само его присутствие напрочь затмевало остальных судей, некогда тоже собиравших залы.

Юань Шан мысленно усмехнулся. Пусть былая любовь к Жэнь Пиншэну давно угасла, это сравнение грело душу.

Их взгляды встретились лишь на долю секунды. Юань Шан со спокойным равнодушием отвёл глаза, а вот Жэнь Пиншэн резко, словно от удара током, выпрямился в кресле!

Он ошеломлённо уставился на сцену, не понимая, откуда в груди взялся этот странный, до боли знакомый трепет. Ма Фэнфэн испуганно дернулась от его резкого движения и уже открыла рот, чтобы спросить, в чём дело, но в ту же секунду полившие из динамиков переливы гитарных струн заставили её оцепенеть.

Язык имеет границы, но музыка говорит со всеми на одном наречии. По-настоящему великая мелодия способна без слов передать всю гамму человеческих чувств и мгновенно подчинить себе волю слушателя. Околосценический гул утих в одно мгновение. Все присутствующие — и Жэнь Пиншэн в том числе — невольно затаили дыхание, заворожённые первыми же аккордами, навевавшими светлую грусть.

Темой полуфинала за выход в шестёрку были народные песни. Задача казалась простой лишь на первый взгляд, а на деле таила в себе множество подводных камней. Основную аудиторию шоу «Голос Вселенной» составляла молодёжь. Выросшие в эпоху глобализации, эти люди жаждали взрывных ритмов и драйва, на фоне которых неспешный темп и простота традиционного фольклора казались им безнадёжно устаревшими и скучными.

Предыдущие конкурсанты благополучно обошли острые углы: чтобы не сесть в лужу с унылым репертуаром, они выбрали динамичные турецкие, русские и испанские мотивы, где зажигательный ритм компенсировал незнание слов. В итоге Юань Шан, выступавший под пятым номером, стал единственным, кто решился исполнить отечественную классику.

После череды шумных заморских плясок эта музыка ощущалась как глоток ключевой воды, и даже выдавшие виды судьи вынуждены были признать: это впечатляет. Гитара, которую обычно ассоциируют с простым аккомпанементом, в руках Юань Шана звучала как на академическом концерте — тонко, глубоко, завораживающе. В её хрустальных пассажах угадывались знакомые мотивы старинной песни «Озеро Солнца и Луны».

«Озеро Солнца и Луны» — это трогательная история о деревенской девушке, которая сидит у воды под звёздным небом и тоскует по возлюбленному. Эта песня была на слуху у каждого, её перепевали десятки знаменитых вокалистов, но в исполнении Юань Шана она полностью лишилась привычной академической сухости. В прошлой жизни он больше десяти лет отдал аранжировке и композиции, а потому безупречно чувствовал, какими именно нитями можно связать душу слушателя.

Оригинальная версия «Озера Солнца и Луны» при всей своей культовости в современном исполнении звучала бы архаично. Юань Шан переписал добрую половину партитуры, превратив залихватский деревенский напев в изысканную, щемящую сердце балладу.

Сказать просто, но кто, кроме него, решился бы на такую дерзость? Музыканты в жюри во главе с Жэнь Пиншэном сидели замороженные первыми же тактами аранжировки. Наставник парня, Цзян Цзин, ошеломлённо наблюдал за тем, как пальцы его ученика порхают по грифу с виртуозной лёгкостью, и тщетно пытался вспомнить, когда тот вообще успел так наловчиться. Мысли в его голове окончательно запутались.

Когда отзвучало короткое, но врезающееся в память вступление, Юань Шан сделал глубокий вдох и запел.

Слабые лёгкие при живом исполнении — куда более серьёзный изъян, чем узкий диапазон, а развить дыхание за пару дней было невозможно. Но Юань Шан, будучи мастером своего дела, умел виртуозно обходить любые препятствия. Смещение сильных долей, понижение тональности — там, где не хватало физических данных, в ход шли чистая техника и опыт, которых с лихвой хватало, чтобы обвести вокруг пальца даже искушённого слушателя.

От заунывного старого мотива остались лишь намёки да текст — песня преобразилась до неузнаваемости. Юань Шан пел на самых низах, искусно вплетая элементы традиционного оперного вокала, отчего его голос казался объёмным и неуловимым. Звук взмывал под купол студии, и благодаря эху зрителям чудилось, будто они перенеслись в бескрайние, залитые лунным светом ущелья.

Нежная мелодия проникала в самое сердце, рисуя в воображении живую картину: бездонный бархат неба, безмолвные горы и мириады звёзд, дрожащих на зеркальной глади озера. Юаня, хрупкая девушка, полная робкой нежности, вглядывается в ночную даль, доверяя ветру своё сокровенное признание и зовя того, кто сейчас далеко...

На этой щемящей ноте песня оборвалась. Юань Шан замер с закрытыми глазами, положив ладони на струны утихающей гитары. Дыхание его слегка сбилось от напряжения. Тишину

зала первым нарушил Жэнь Пиншэн — он поднялся и начал искренне, уважительно аплодировать. Какими бы предубеждениями он ни руководствовался до этого, отрицать феноменальный уровень аранжировки и исполнения было глупо.

Вслед за ним очнулся и весь зал. Короткая пауза сменилась оглушительным взрывом оваций. Кто-то выкрикнул имя исполнителя, и уже через секунду трибуны слаженно и неистово скандировали: «Юань Шан! Юань Шан!»

Такого поворота не ожидал никто. Четверо постоянных судей растерянно переглядывались, не зная, как поступить. Сценарий шоу не прописывал судейские комментарии дословно, но негласный план у жюри имелся всегда. Прекрасно зная реальные возможности участников, они заранее подготовили разгромную речь для Юань Шана. Текст обвинения был выверен до мелочей: там детально расписывались его слабая техника, отсутствие вокальной базы и блёклое поведение на сцене. Однако теперь этот шедевр канцелярита годился разве что для мусорной корзины. Юань Шан выдал выступление такого уровня, что Ма Фэнфэн нутром почуяла: зачитай они сейчас заготовки, их профессиональной репутации придёт конец. Зрители в зале не были глухими, и судейское предвзятое мнение вызвало бы бунт.

От этой мысли спину Ма Фэнфэн обдало ледяным потом. Судорожно сглотнув, она поспешно прочистила горло и с натянутой улыбкой принялась рассыпаться в комплиментах.

Когда очередь дошла до Жэнь Пиншэна, он поднёс к губам микрофон и долго, не отрываясь, вглядывался в лицо стоявшего на сцене юноши.

— Ты выступил блестяще, — негромко произнёс он. — В тебе чувствуются редкий дар и глубина. Ты очень напоминаешь мне одного человека, которого я когда-то знал.

Юань Шан не стал разыгрывать привычный для новичков трепет перед мэтром. Он лишь слегка усмехнулся углом губ, сохранив полное молчание. Эта холодная уверенность вызвала новый шквал девичьего визга на трибунах, а взгляд Жэнь Пиншэна стал ещё более растерянным.

Режиссёрский пульт

Главный режиссёр дал команду сменить свет и без сил откинулся на спинку кресла. Ассистент тут же принялся разминать ему плечи и подал чашку чая. Смывая пот со лба, режиссёр мысленно благословлял судьбу за то, что его собственное упрямство не сгубило такое выдающееся зрелище.

Последние несколько минут в аппаратной творилось безумие: операторы ловили в кадр заплаканные лица зрителей, и режиссёр уже понимал, какой оглушительный рейтинг принесёт этот эфир. Но триумф мешался с полным недоумением. Если Юань Шан обладает такой

мощной харизмой и техникой, зачем вообще нужно было заставлять его петь под фонограмму на прошлых этапах? Руководство канала, решившее выдать этот чистейший алмаз за кусок дешёвого стекла, явно лишилось рассудка.

У входа в павильон стоял Чжоу Чжаньсяо. Скрестив руки на груди, он сквозь прищур провожал взглядом уходящего со сцены Юань Шана. Не смолкающий гул толпы, который тщетно пытался унять помощник режиссёра, действовал на нервы. Затянувшиеся совещания в офисе задержали его на пару часов; изначально Чжоу Чжаньсяо планировал сразу пройти в гримёрку к Цзян Се, но в последний момент решил заглянуть в зал. Сейчас он радовался этой минутной прихоти, хотя внутри у него всё так и кипело от унижения. Юань Шан под софитами был ослепителен. Настолько, что кружилась голова, и это совершенно не вязалось с тем блёклым образом, который остался в памяти Чжоу Чжаньсяо.

Будучи человеком практичным, он далёк был от мыслей о мистике вроде переселения душ. В его картине мира этому преображению существовало лишь одно объяснение: Юань Шан — лжец.

Этот мерзавец обвёл его вокруг пальца! Никаких проблем с самоопределением у него не было. Он никогда не был трусливым, забитым слизняком! От одного воспоминания о том, с каким царственным видом Юань Шан держал гитару на сцене, у Чжоу Чжаньсяо до сих пор бежали мурашки. Зачем человеку с таким стержнем притворяться ничтожеством? Ответ напрашивался сам собой: Юань Шан разыграл этот спектакль лишь для того, чтобы избавиться от его покровительства!

Осознание этого больно ударило по самолюбию Чжоу Чжаньсяо. Молодой, богатый, неотразимый — даже среди тех знаменитостей, которых он содержал, многие искренне искали его расположения, а не только денег. Он никогда не сомневался в собственной привлекательности и, разрывая отношения с Юань Шаном, искренне верил, что спасает себя от дефектного, недостойного его человека. А теперь выясняется, что Юань Шан просто брезговал им, но из страха перед чужим влиянием предпочёл прикинуться ничтожеством, лишь бы остудить его пыл. Роль благодетеля сменилась амплуа брошенного дурака — такой удар по эго Чжоу Чжаньсяо пережить было непросто.

Сяо Мао отыскал босса у входа в павильон, но, увидев искажённое гневом и обидой лицо Чжоу Чжаньсяо, побоялся подойти близко. Чжоу Чжаньсяо перевёл взгляд на своего неказистого помощника. Сравнив себя с ним, он мгновенно восстановил пошатнувшуюся уверенность в собственной исключительности. Расправив плечи, он сделал знак Сяо Мао следовать за ним и решительным шагом направился за кулисы.